

«БЫТИ ВСѢМ ЗА ОДИН БРАТ». ПРАГМАТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА В
ДИАЛОГАХ КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (1146–1154)

Отношения, основанные на личных связях и авторитете, имеют ключевое значение для создания новых социальных структур в раннем и развитом Средневековье. Летописный материал не так богат сообщениями о том, как именно строилось взаимодействие между русскими князьями, и данное поле пока остается лишь частично освоенным. Изучение терминов родства, активно используемых князьями в диалогах, сделает более ясной роль личных отношений в политических перипетиях второй половины XII в. Разумеется, весь комплекс интересующего нас материала можно рассматривать лишь через призму источника, с учетом всех его текстологических особенностей, однако в фокусе данной статьи скорее выявление внутренней логики употребления терминов родства, вне зависимости от того, является ли она отражением действительности, или привнесена летописцем, хотя этот вопрос также очень значителен.

Описание конфликта середины XII в. в Ипатьевской летописи — текст, содержащий наибольшее количество случаев метафорического употребления родовой лексики как по сравнению с другими частями той же летописи, так и по сравнению с другими древнейшими русскими летописями. Так, Изяслав Мстиславич называет своего дядю Вячеслава Владимировича *отцом*, а троюродных дядьев Изяслава и Владимира Давыдовичей *братьями*. Родной сын главного противника Изяслава, Глеб Юрьевич, говорит ему: «ако мнѣ Гюрги ѿць, тако мнѣ и ты ѿць»¹, а другой Юрьевич — Ростислав — называет Изяслава Мстиславича *братом* и *отцом*, в ответ на что киевский князь обращается к нему *брат*.

В лингвистическом отношении, как показал А. А. Зализняк, исследовавший употребление в памятнике энклитик, Киевская летопись распадается на диалоговую часть КЛ-Д и авторскую КЛ-А, которые существенно различаются по ряду признаков². При этом интересующие нас княжеские диалоги в КЛ-Д обнаруживают поразительное сходство с берестяными грамотами, показатели которых наиболее близки к живой речи: «в данном случае летописцы вторгались в стиль посланий в гораздо меньшей степени, чем в других летописях» [Зализняк, 2008, с. 24]³.

Для моего исследования существенно данное разделение текста Киевского летописца на диалоговую и авторскую части, так как они различаются и по выбору определяющих терминов родства. В то время как в КЛ-А отношения князей между собой представлены в многообразии их реальных родственных связей, в КЛ-Д регулярно используются в переносном значении термины *отец*, *брат*, *сын*. Вот несколько примеров:

1. Изаславъ ѿради брата своего Володимера къ королеви зати своему, река тако: "... Уже, брате, твоа шбида, то не твоа но моа шбида"⁴.

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 2. Стб. 395.

² При этом существенно, что Галицко-Волынская летопись, также содержащая многочисленные диалоги, не показывает подобного расхождения в результатах анализа [Зализняк, 2008, с. 23].

³ Необходимо отметить, что Киевская летопись по-разному рассматривается текстологами. Так, Т. Л. Вилкул отмечает вторичность источника и относит многие пассажи интересующей нас переписки к литературному конструкту летописца конца XII в., возможной целью которого было усилить позиции Ростислава Мстиславича. Автор также рассматривает влияние Романа об Александре и других греческих текстов («Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Хроники Георгия Амартола, Хроники Иоанна Малалы) на Киевский летописец, которые послужили образцом для диалогов и описания военных событий [Вилкул, 2005, с. 21–80, Вилкул, 2010, с. 382–397]. В части греческих списков «Романа об Александре» есть случаи именованья *братом* союзника, однако характер использования этого термина несколько иной, чем в русских летописях. Например, в диалогах между Александром, притворяющимся Антиохом и Кандавлом: «Πίστευσε, ἐδικέ μου ἀδελφὲ Καταυλούση, ὅτι πολλοὶ εἶναι ἀπ' ἐμένα καλύτεροι ἄνθρωποι εἰς τὸν Ἀλέξανδρον» (Recensio E (cod. Eton College 163). Chapter 111 section 2 line 6. V. L. Konstantinopulos, A. C. Lolos, Ps.-Kallisthenes. Zwei mitteltgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans, Meisenheim am Glan: Hain, 1983).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408.

2. Юрги же посла посла по снѡвца своего, по Ростислава, Смоленську, река ему: «Снѹ, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати»⁵.

3. Тоѣ же зимы Стославъ сославъса с Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдоумасти ити на Половцѣ. Рюрикъ же оулюби Стославъ и речѣ емоу: «Ты, брате, ѣди в Черниговъ...»⁶.

4. Изаславъ же пришедь во Володимиръ, поча са слати въ Оугры, къ затию своему королеве, и в Лахы къ свату своему Болеславу, и Междѣ, и Индриховѣ, и къ Ческому кнзю сватоу своему...

Далее он обращается к ним: «азъ вы реку: брате, съ ржѣства Хсѡва полѣзите на кони...»⁷.

5. Стославъ же не хоташе ѡступити ѡ оуд своего, Изаслава, но неволею ѣха...⁸

Ранее в обращении Святослав Всеволодович использует обращение *отец*:

...поча са оу него просити река: «ѡце, поустити ма Черниговоу»⁹.

Как видно, в большинстве ситуаций термины родства используются в переносном значении в обращениях, и это действительно наиболее частотная позиция для интересующей нас лексики. Но не единственная. Данные слова часто вводятся в тексте диалога как своего рода маркированная родовая идентификация: «и посла Мъстиславъ Изаславичъ к Володимироу, и къ Изаславоу Двѣдичема, и речѣ има: “братъ ваю, а мои ѡцѣ тако рекль...”»¹⁰. Заметим, что здесь один термин — *отец* — употреблен в прямом значении, а другой — *брат* — в переносном. Данная конструкция как бы помещает человека в социальную микросхему, определяющую актуальные на момент конфликта связи. При этом формы использования родовых конструкций отличаются многообразием: от слов «старший как *отец*» до клятвы над могилами святых мучеников быть *отцом* и *сыном*. Употребление термина *отец* было возможно, по-видимому, только в том случае, если родной отец князя уже умер ко времени разговора¹¹.

Нередки ситуации, когда в обращениях используются парные термины, причем такие конструкции могут принимать разные формы. Чаще всего термин *брат* присоединяется к термину, обозначающему свойство: «*брат и сват*», «*брат и зять*», что представляется логичным ввиду того, что после свадьбы ближайшие родственники одного из супругов становились родственниками и второму¹². Термин *брат* также выступает в паре к термину *отец* или *сын*: «*брат и отец*», «*ты же мой сын, ты же мой и брат*»¹³.

Использование в обращениях Рюриковичей домонгольской Руси терминов родства было неоднократно рассмотрено историками как социокультурный феномен. Так, С. М. Соловьев видел в них важнейшую аргументацию для родовой теории старшинства: когда отец умирает, старший брат становится в *отца место*, а его дети — *братьями* своим дядьям [Соловьев, с. 13].

Наиболее детальный анализ использования родовой лексики в древнейших русских летописях был проведен историком XIX в. Я. А. Голяшкиным, который, критикуя

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479.

⁶ Там же. Стб. 653.

⁷ Там же. Стб. 384–385.

⁸ Там же. Стб. 377.

⁹ Там же. Стб. 343

¹⁰ Такие конструкции часто состоят и из терминов, определяющих реальное родство: «идоу на ѡца твоего, а на своего стрѣа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 373), они близки по форме угрозам отказа от родства, например, в берестяной грамоте № 531: «тобе не се(с)тра, а мужеви не жена» [Зализняк, 2004, с. 266].

¹¹ Данная закономерность знает лишь одно исключение: Ростислав Юрьевич называет Изяслава Мстиславича *братом* и *отцом* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 373). Об этом будет сказано далее.

¹² Ср., например, название золовки *сестрицею* в петровскую эпоху [Кречмер, с. 47].

¹³ В Ипатьевской летописи встречаются также выражения *господин отец*, *господин брат*, например, Ростислав Мстиславич — Вячеславу Владимировичу: «речѣ емоу: “Велми радъ, гнѣ ѡче, имѣю та ѡцѣ гнѡмъ”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 471). Обращение *господин брат* встречается в берестяных грамотах, например в грамоте № 531, отмечается сходство этого выражения с греческой эпистолярной традицией [Факкани, с. 335]. Нельзя исключать, однако, и чисто типологическое сходство [Гишпиус, с. 287].

С. М. Соловьева, видел в этом явлении смену родовых реалий политическими, с сохранением прежней терминологии. По его мнению, термин *брат* мог использоваться в широком смысле — к любому Рюриковичу и в узком смысле — к равному союзнику¹⁴ [Голяшкин, с. 247]. С термином *отец* все выглядит сложнее, и исследователь приходит к выводу, что здесь мы имеем дело с определением политического авторитета: «под старейшинством надо разуть не зрелость возраста или вообще место, занимаемое им в княжеском роду... а известные политические преимущества, действительно нуждающиеся в признании со стороны конкурировавших с ним князей» [Голяшкин, с. 240], то есть *отцом* называется союзниками тот, кто обладает наибольшим политическим весом. С мнением Я. А. Голяшкина соглашается и А. Е. Пресняков, более акцентируя внимание на самом процессе трансформации природы межкняжеских отношений [Пресняков, с. 99–100]¹⁵. В. Т. Пашуто в соответствии с представлениями о Руси как о феодальном государстве рассматривал родовую лексику КЛ-Д как один из существенных признаков вассально-ленных отношений между князьями, когда *братья* и *сыновья* находятся в зависимости от *отца* [Пашуто, с. 53, 58].

Принципиально другую точку зрения высказывает В. В. Колесов, рассматривая термины *отец*, *брат*, *сын* как естественные обращения среди членов одной семьи Рюриковичей (не учитывая при этом, что так именовались и их иностранные союзники). Ссылаясь на Э. Бенвениста, автор замечает, что эта лексика изначально имела именно социальное, а не родовое значение, поэтому нет смысла видеть здесь особую трансформацию от обозначения родовых отношений к социальным, а лишь обращения, подчеркивающие равенство [Колесов, с. 55].

На мой взгляд, данные термины наиболее близки лексике воинского братства, единения перед битвой, чаще всего они встречаются именно в диалогах, хронологически близких к военным действиям. Не вызывает сомнения и связь между именованием *братом*, *отцом* или *сыном* и проведением князьями обряда крестоцелования, о чем свидетельствуют и слова летописи («на томъ цѣловаша хрътъ... быти всимъ за шдинъ братъ»¹⁶, «дажь стоиши в томъ раду, то ты намъ братъ»¹⁷).

Рюриковичи, как представители одной династии, разумеется, могли использовать термины родства в обращениях между собой как члены одной семьи, что служило маркером их княжеского статуса [Назаренко, с. 500–551], однако при длительной конфронтации нескольких княжеских групп употребление родовой лексики скорее подчеркивало принадлежность лица к одной из них и родственные отношения с наиболее авторитетным лицом коалиции, что вступает в противоречие с идеей единства рода как такового.

Представления о политической иерархии при именовании *сыном* или *отцом* в среде Рюриковичей кажутся не столь существенными, на что косвенно указывают некоторые детали: асимметрия использования терминов родства (*отец* в ответ на *брат*, выражение «ты же мой сын, ты же мой брат», наличие двух *отцов* у одного *сына*). Несмотря на существование множества вероятных поводов для переносного применения терминов родства (почтение к более старшему/

---

¹⁴ Однако есть ситуации, напрямую противоречащие этому объяснению. Так, например, Владимирко Галицкий называет *братом* Изяслава Мстиславича, объявляя о том, что готов выступить против него (и, следовательно, вряд ли выражающий тем самым союзнические чувства): «Рци брате: изверемениль еси на ма, и корола еси на ма възвелъ, но вже буду живъ, то любо свою голову сложю любо себе мьщю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 462).

¹⁵ К сожалению, Я. А. Голяшкин сделал ошибку в интерпретации слов Вячеслава Владимировича, обращенных к Изяславу Мстиславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418), в результате которой получилось, что князь называет племянника одновременно *отцом*, *братом* и *сыном*, «и внуком самому себе» [Голяшкин, с. 258–259], что несколько застопорило рассуждения исследователя. Эта же ошибка переходит в труд А. Е. Преснякова [Пресняков, с. 100]. Подробнее об этом диалоге будет сказано далее.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366.

¹⁷ Там же. Стб. 670.

младшему родственнику, общехристианское обращение, традиция именования родственника жены или сестры термином кровного родства, эпистолярный этикет) при рассмотрении каждой конкретной исторической ситуации можно выявить определенный паттерн ее использования.

Что касается парных конструкций, то они, как правило, интерпретируются исследователями как определяющие: один термин — политическую, другой — реальную связь [Франчук, с. 140]. Это объяснение выглядит убедительным в отношении тех случаев, когда один и тот же человек действительно является двоюродным братом, сватом и союзником (так, например, Рюрик Ростиславич называет Святослава Всеволодовича *братом и сватом*¹⁸), однако при рассмотрении целого ряда ситуаций оно перестает быть таковым. Так, например, Юрий Владимирович, обращаясь к своему главному противнику Изяславу Мстиславичу, называет его *братом и сыном*, являясь при этом по родству не братом, а дядей. Коннотация подчинения здесь также вряд ли возможна, поскольку данная фраза сопровождается выражением «старейшинство с меня снял» и согласием на правление племянника в Киеве: «Гюрги тако река: “се, брате, на ма еси приходилъ и землю повоевалъ, и старѣшинство еси с мене сналъ. Нѣи же, брате и сѣноу, Роускѣа дѣла земля и хрѣстьянъ дѣла, не пролѣвие крови хрѣстьянскѣ, но дай ми Переяславль, ать посажу сѣна своего оу Переяслави, а ты сѣди црѣствоуа в Киевѣ”»¹⁹.

На мой взгляд, наиболее логичным представляется определение данной группы конструктов как эмфазы родственности, выражения, усиливающего связь между князьями²⁰.

***

Я предлагаю рассмотреть наиболее многочисленную группу случаев использования терминов родства в Ипатьевской летописи, связанную единой последовательностью событий — противостоянием Изяслава Мстиславича и его дяди Юрия Владимировича²¹.

Начиная с самых первых строк, повествующих о деятельности Изяслава Мстиславича, мы видим его родных братьев и сыновей принимающими активное участие в реализации замыслов князя. При этом просматривается четкая субординация, соответствующая представлениям о возрастном старшинстве, а также максимальное использование подвластных территорий и внешнеполитических связей всех участников в соответствии с общей стратегией. За каждым из сыновей или младших братьев Изяслава Мстиславича словно закреплена определенная «должность» с соответствующим кругом задач, которые могли заключаться в проведении переговоров с Венгрией, Польшей или со степняками, держании ключевого города и взаимодействии с его населением, наблюдении за деятельностью одного из противников. В зависимости от ситуации родственники Изяслава Мстиславича могли сменять друг друга при распределении функций.

Очевидно, родовая модель управления, основывающаяся на реальных родственных связях, оказалась действенным механизмом, так как далее, заключая военные союзы с важнейшими князьями, Изяслав предпочитает называть их именно терминами *отец, брат, сын*.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 676.

¹⁹ Там же. Стб. 380.

²⁰ Это явление схоже с ситуативным наречением человека именем его предка, ср. обращение новгородцев к Изяславу Мстиславичу: «ты наш Владимир, ты наш Мстислав» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370; Литвина, Успенский, 2006, с. 434–435). Кроме того, данная конструкция аналогична подробно изученным А. А. Потебней устойчивым синонимичным парам: *правда-истина, мудр-хитр, гуси-лебеди, бури и волны, болезни и недуги*, в том числе и терминам родства: *отец-мать* (родители) [Потебня]; а что еще ближе к нашему материалу — двойным именованиям родственников мужа в свадебном фольклоре: *свекор-батюшко, свекрова-матушка, деверья-брателки, золовки-сестрицыньки* [Толстая, с. 151].

²¹ Еще один период частого использования родовой лексики в диалогах относится ко времени «тройственного союза» Рюрика Ростиславича, Святослава Всеволодовича и Всеволода Юрьевича, скрепленного браками детей и родственников (подробнее об этом союзе см.: [Литвина, Успенский, 2012, с. 58–68]).

Взаимодействие Изяслава Мстиславича с каждым из союзников

Всеволод Ольгович и Святослав Всеволодович

Выстраивание системы союзников началось задолго до начала киевского княжения Изяслава Мстиславича, и один из наиболее важных шагов в этом направлении был сделан во времена правления его зятя (мужа сестры), Всеволода Ольговича. Политическая ситуация как нельзя более располагала к тому, чтобы свойственники заключили союз: Всеволод Ольгович нуждался в поддержке хотя бы одного Мономаховича, а Изяслав был заинтересован в расположении киевского князя, так как его отношения с дядьями складывались не очень успешно. Известно, что ранее союз был скреплен крестоцелованием²². Изяслав Мстиславич говорит о зяте, перечисляя целый список терминов родства: «Всеволода есми имѣль въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зать²³, старѣи мене тако шѣць»²⁴.

Использование четырех терминов родства для определения одной социальной связи в момент, когда после смерти Всеволода Ольговича решался вопрос о Киеве, максимально подчеркивало права Изяслава Мстиславича на киевский стол как его продолжателя и преемника, в обход брата и провозглашенного наследника Всеволода — Игоря²⁵, кроме того, актуализировались связи с ближайшими родственниками Всеволода — его сыном Святославом Всеволодовичем и братьями Игорем и Святославом Ольговичами.

Практически сразу после смерти Всеволода Изяслав приближает к себе его сына, Святослава, говоря ему: «свои ми еси сестричичъ», после чего «поча и водити подлѣ са»²⁶. Через некоторое время летописец приводит следующий диалог между ними, где Святослав называется уже *сыном*, а Изяслав *отцом*: «тогда же Всеволодичъ Стославъ... приѣха къ Изаславоу, поча са оу него просити река: “Шѣце, поусти ма Черниговоу...” шнѣ же речѣ: “Сноу, тако ти и гораздо готовѣ боуди на передѣ, иди”»²⁷.

Святослав Всеволодович был одним из самых желанных союзников как для Изяслава Мстиславича, так и для его дяди Юрия Владимировича, однако его собственная позиция была неустойчивой: в обоих лагерях находились его родные дядья, юный князь вынужден был метаться между ними, участвуя в битвах то с одной, то с другой стороны²⁸.

Использование терминов *отец* и *сын* становится допустимым, лишь когда настоящий отец Святослава умирает. В дальнейшем он сумел искусно использовать свое положение *сына* по отношению к Изяславу Мстиславичу после смерти последнего: появившись в Киеве раньше Ростислава Мстиславича, Святослав Всеволодович проявил лояльность к смоленскому князю и Вячеславу Владимировичу. Будучи *сыном* Изяслава, он автоматически, без каких-либо договоренностей становится также *сыном* двух других князей — его брата Ростислава

²² «И посла Вачьславъ и Изаславъ Мьстиславичъ послы свои къ Всеволодоу съ рѣчими радитса, Всеволодъ же не хотѣ очинити волю ихъ, и послѣдѣ съдоумавъ, шже емоу безъ нихъ нѣлзѣ быти, и давъ имъ прошение ихъ, и крѣсть к нимъ цѣлова» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 306). Летописный текст чрезвычайно скуп на описания договоренностей между Изяславом Мстиславичем и Всеволодом, и особенно его сыном Святославом. Вероятнее всего, дело в том, что они и без того были связаны отношениями свойства, а Святослав был сыном сестры Изяслава (т. е. его племянником).

²³ Пара *брат* и *зять* аналогична по форме паре *брат* и *сват*, использовавшейся преимущественно в конце века (например, ПСРЛ. Т. 2. Стб. 676, ПСРЛ. Т.1. Стб. 413.).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323.

²⁵ Аналогично при передаче Владимиром Васильковичем земель и городов одному выбранному им наследнику — двоюродному брату Мстиславу Даниловичу в обход других последний усиливает связь с ним перечнем терминов родства с использованием имени и титула родного отца: «ты же ми братъ, ты же ми шѣць мой, Данило король» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 912).

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 327.

²⁷ Там же. Стб. 343.

²⁸ Эти метания, как в мыслях, так и на деле, хорошо показаны следующими летописными словами: «Стославъ же не хоташе ѿступити ѿ оуа своего Изаслава, но неволею ѣха строа своего дѣла Стослава Ольговича» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 377). Однако через некоторое время он сам участвует в походе на Святослава Ольговича вместе с Изяславом Мстиславичем.

Мстиславича и отца Изяслава Вячеслава Владимировича: «ты еси Ростиславу сн̄ѣ любимъи тако же и мнѣ, а поеди сѣмо ко мнѣ, перебуди же оу мене Киевѣ доколѣ же придетъ Ростиславъ»²⁹.

Владимир и Изяслав Давыдовичи

Одними из самых привлекательных союзников для Изяслава Мстиславича были Изяслав и Владимир Давыдовичи — его троюродные дядья. Их позиция была также неустойчива, в ходе противостояния Юрия и Изяслава Мстиславича они появляются то в одном, то в другом лагере. Еще со времен правления Всеволода Ольговича Изяслав и Владимир были недружны с Ольговичами, кроме того, братья, видимо, связывали надежду на получение лучших территорий и городов с киевской властью Изяслава Мстиславича. Но Изяслав заточил их двоюродного брата Игоря, погибшего затем от рук киевлян, что требовало от них ответных действий (именно это обстоятельство подчеркивал Святослав Ольгович, приглашая Давыдовичей на свою сторону). Изяслав Мстиславич многократно использовал по отношению к ним термины *брат*, *братья*³⁰. Чем обусловлено такое обращение к этим союзникам? Прежде всего, речь идет о заключении договора, сопровождавшегося целованием креста, предлагая возобновить который Давыдовичи обещали «мы подлѣ тебе ѣдимъ»³¹. Этот первый договор, очевидно, и положил начало использованию родственных обращений между союзниками.

Для нас же более интересно второе крестоцелование, суть которого заключается именно в *братстве* князей: Изяслав Мстиславич говорит Давыдовичам, Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу: «тако на томъ цѣловаша хр̄стъ оу с̄томъ Сп̄сѣ — ворождоу про Игоря ѡложити, а Роуской земли блюсти, и быти всимъ за шдинъ братъ»³², далее Давыдовичи отвечают согласием принять участие в походе, добавляя: «а мы вси хр̄стъ цѣловали на томъ, ако где твоя шбида боудеть, а намъ быти с тобою»³³. Затем мы видим схожую фразу в разговоре между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Давыдовичем: «Изаславъ... река: “Брате, Бѣ ти помози, акоже и самъ молвишь, хр̄стъ есмы цѣловали тако всимъ намъ быти за шдинъ. Нынѣ же, брате, се моужь мои, а ты пристави свои моужь”»³⁴.

В дальнейшем Давыдовичи неоднократно нарушали крестоцелование, вновь обращаясь к Юрию Владимировичу. Перед решающей битвой их мнения окончательно разделились, и Изяслав Давыдович остается с Изяславом Мстиславичем, в то время как Владимир Давыдович сражается на стороне его противников и погибает. После смерти Изяслава Мстиславича Изяслав Давыдович оказывается одним из главных претендентов на киевский стол, подчеркивая при этом свое положение *брата* киевского князя³⁵.

Венгерский король Геза II, польские и чешские союзники

Неожиданно оказавшись изгнанным из Киева, Изяслав посылает посольства сразу к нескольким иностранным правителям: «Изаславъ же пришедъ во Володимиръ, поча са слати въ Оугры къ затю своему королеве,³⁶ и в Лахы къ свату своему Болеславу³⁷ и

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 470.

³⁰ Там же. Стб. 331, 343, 346.

³¹ Там же. Стб. 346.

³² В тексте Хлебниковском просто «за один» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366). Ср. с формулировкой, предшествующей целованию креста на Любечском съезде: «ннѣ ѡселѣ имѣмьса по едино ср̄дце» (Там же. Стб. 231).

³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367.

³⁴ Там же. Стб. 374. И далее аналогичная фраза в посольстве к Святославу Ольговичу: Там же. Стб. 375.

³⁵ *Братство* Изяслава служило ему аргументом для приезда в Киев: «Изаславъ же реч приѣхалъ есмь брата своег плакати, аче есмь тогды не былъ надъ братмъ своимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 469). Летописные тексты повествуют, как правило, об оплакивании умершего ближайшими кровными родственниками — братьями и сыновьями.

³⁶ Король Венгрии Геза II из династии Арпадов, женат на младшей единокровной сестре Изяслава Мстиславича Евфросинии (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407; Литвина, Успенский, 2006, с. 544).

³⁷ Польский князь Болеслав IV из династии Пястов, по всей видимости, был мужем Верхуславы, дочери старшего брата Изяслава, Всеволода Мстиславича. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300; Balzer, с. 158–159; Литвина, Успенский, 2006, с. 249).

Междѣ,³⁸ Индриховѣ,³⁹ и къ Ческому кнѣзю свату своему Володиславѣ,⁴⁰ проса оу нихъ помочи»⁴¹. В прямой речи Изяслава к перечисленным союзникам используется термин *братья*⁴². Летопись не сообщает никаких сведений о форме, в которой проводилось заключение союза, однако известно, что при встрече Изяслав Мстиславич приглашает их на пир и щедро одаривает⁴³.

Основная деятельность новых союзников оказалась направлена не на военное противостояние, а на быстрое установление мирного соглашения между дядьями и племянником⁴⁴. Гораздо более богатый материал дают многочисленные диалоги, раскрывающие длительное взаимодействие между королем Венгрии Гезой II и Изяславом Мстиславичем. Они содержат постоянный набор обращений, включающий термины родства: Изяслав Мстиславич называет Гезу II *братом*, в ответ на это последний говорит Изяславу *отец*: «...король же Володимеру речѣ, ѡпущаа его: “ѡѣцю моему и своему брату поклонишиѣ, Изяславу...”»⁴⁵. В дальнейшем тот же термин присутствует и в качестве обращения: «и повѣдѣ Изяславу, и речѣ: “ѡѣце, кланю ти са...”»⁴⁶. На это Изяслав отвечает ему неизменно *брат*: «Нѣи же, брате, гадаи ѡ семь»⁴⁷. Лишь на последнем этапе их сотрудничества, при личной встрече Изяслав Мстиславич единожды использует термин *сын*⁴⁸.

Асимметрия родовой лексики, содержащейся в диалогах Изяслава Мстиславича и венгерского короля, вызывала недоумение многих исследователей⁴⁹. По всей видимости, она является частью устойчивой традиции обращения к свойственникам с использованием терминов кровного родства⁵⁰.

Во время активной венгерской дипломатической деятельности Владимира Мстиславича Геза II посылает Изяславу большое войско, сопровождая этот жест словами, близкими к

³⁸ Мешко III Старый, брат Болеслава IV. Существует мнение, что его жена Евдокия была дочерью Изяслава Мстиславича. [Balzer, с. 5, 165–167].

³⁹ Сандомирский князь Генрих — брат Мешко III и Болеслава IV.

⁴⁰ Владислав II, князь, а затем король Чехии. На основании данного летописного сообщения делается предположение, что его дочь в 1149 году выходит замуж за сына Изяслава Мстиславича, Ярослава Изяславича. [Baumgarten, с. 26].

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

⁴² «Изяславъ же шпатъ посла слы своѣ въ Оугры, ко королеви, и в Ляхы и в Чехы с дары великыми и с честью, и речѣ имъ: “Бѣ вы помози, ѡже ми са есте яли помогати, а азъ вы реку: браѣте, съ ржѣства Хсѣва полѣзите на кони”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385).

⁴³ «Изяславъ же посзѡа га к собѣ на шбѣдѣ, и тако шбѣдавше бѣша весели, великою чѣстью оучѣтивъ ѣ, и дарыми многыми дарова ѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386).

⁴⁴ Мирные переговоры между союзниками Изяслава и его дядьями Юрием и Вячеславом также довольно интересны с точки зрения родовой лексики. Вячеслав и Юрий называют короля Гезу II *зятем*, что более чем естественно, так как он женат на их племяннице, Болеслава IV — *братом*, а его младшего брата Генриха — *сыном* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 388). Различие в обращении может отражать возрастные особенности (Генрих Сандомирский был на пять лет младше Болеслава IV). Иная интерпретация — в труде А. В. Юрасовского [Юрасовский, с. 190]. С нашей точки зрения, столь сложная и развернутая форма приветствия является следствием изощренного использования дипломатического этикета. Ответ, содержащий слова *брат* и *сын*, «возвращал» термины, заложенные в послании чешских правителей с просьбой и конкретными условиями перемирия. В нем они ставят Юрия и Вячеслава *в отца место* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387). Послание союзников отсылает к братскому долгу всех христиан: «а мы есмы но Божѣ все крѣстьяне ѡдна браѣта собѣ, а намъ подобаетъ всимъ быти съ себе» (Там же. Стб. 387).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407.

⁴⁶ Там же. Стб. 450.

⁴⁷ Там же. Стб. 444.

⁴⁸ «Изяславъ же речѣ ко королеви: “Снѣ, тако буди”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 448).

⁴⁹ Это искреннее удивление лучше всего передает восклицание А. В. Юрасовского: «Летописец вкладывает в уста короля огромной Венгрии обращение, утверждающее старшинство волынского князя, пока еще безуспешно пытающегося (с венгерской помощью, о которой он постоянно просит) утвердиться на Киевском столе. Что это?» Автор объясняет использование терминов родства как маркера вассально-ленных отношений, опираясь на труды В. Т. Пашуто. Данные обращения, с его точки зрения, свидетельствуют о «возвышении» автором летописи Изяслава над Гезой [Юрасовский, с. 191].

⁵⁰ Так, например, Юрий Владимирович называет своего будущего свата Святослава Ольговича *братом*, в то время как союзные князья именуют Юрия *отцом* Святослава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334, 339; Лавренченко).

договору с Давыдовичами: «но шбаче, ѿѿде, твои щить и мои не розно еста», причем обещает сам приехать позже «то ѿ въ твоеи воли есмь»⁵¹, когда война с Византией будет закончена («своея шбиды помьстивъ»). Здесь вряд ли «быть в воли» можно рассматривать как коннотацию подчинения, скорее речь идет просто о возможности принять участие в военных действиях, которые подразумеваются под мстью за *оби́ду*.

Последний термин фигурирует в военных договорах Изяслава Мстиславича необычайно часто, например, в его ответе Гезе II: «уже, брате, твоѿ шбида, то не твоѿ но моѿ шбида, пакы ли моѿ шбида, то твоѿ»⁵². Данный элемент присутствовал и в договорах с Давыдовичами, однако с другим окончанием: «где твоѿ шбида боудеть, а намъ быти с тобою». Вслед за этим послы Гезы и Владимира Мстиславича говорят Ростиславу Мстиславичу (на которого, как на одного из наиболее ярких участников коалиции Изяслава Мстиславича и его родного брата, распространяются все обязательства и «родственные» отношения Изяслава), начиная упомянутой выше фразой об *обидах* и заканчивая ее еще одним — третьим — вариантом: «а се ти полци»⁵³. Идея единения, «неразделенности» союзников, а также вариации помощи в *обиде* получают развитие в дальнейшей переписке Изяслава, его названного отца Вячеслава Владимировича и родного брата Ростислава с венграми: «...нама даи Бѣ нероздѣлно с тобою быти ничим же, но аче твоѿ шбида кде»⁵⁴ — а нама даи Бѣ ту самѣмъ быти за твою шбиду, или пакы браѣю своею, или съ сѣми своими, и полкы своими, а нама са тобѣ нѣчимъ ѿкупити сему, толико главою своею»⁵⁵.

Последние слова характерны для определения отношений между князем и его воинами [Стефанович, с. 170—181] и, по-видимому, относятся к лексике, сопутствующей заключению договора, крестоцелованию, подготовке к военному столкновению или ведению битвы, они подразумевают именно готовность идти на риск и для собственной жизни. Отметим, что «откупить головой» обещает тот, кто называется *отцом*, своему *сыну*.

В послании Изяслава Гезе II содержится одна из наиболее существенных фраз для понимания родовой лексики: «Бѣ ти помози, брате, уже нам еси тако помогль, толико можеть такъ оучинити братъ роженъи, или сѣ ѿцю, како же ты нама еси оучинилъ»⁵⁶. Геза II мог называться *братом*, а Изяслав *отцом* по родству через Евфросинию Мстиславовну, однако военная помощь, оказанная венгерским королем вольнскому, а теперь уже киевскому князю, наполняет использование этих терминов дополнительным смыслом. Для нашего исследования также значим здесь союз «или»: неважно, поступил Геза II как брат с братом или как сын по отношению к отцу, важен сам принцип родовой взаимопомощи, к которому обращаются авторы послания. В целом сотрудничество с иностранными правителями оказалось хоть и не во всем успешным для Изяслава Мстиславича, но снабдило киевского князя мощнейшей военной силой, которая перевесила чашу весов в его сторону.

Триумвират названного отца Вячеслава Владимировича и двух братьев Изяслава и Ростислава

Роль Вячеслава Владимировича — одна из ключевых в истории конфликта дяди и племянника, и если как союзник Юрия он действовал не слишком активно, то в лагере Изяслава Мстиславича Вячеслав приобретает важнейшее значение благодаря своему положению старшего

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407.

⁵² Там же. Стб. 408. Слово «обида», столь часто употребляющееся в Русской Правде, относилось скорее к правовой сфере, нежели эмоциональной (ср.: «Аще оутнетъ мечемъ, (а) не вынемъ а его, либо роукютяю, то 12 гривнѣ за обиду») (М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской правды. МГУ. 1953. с. 76)).

⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 409.

⁵⁴ В Х.П. — где (примечание издателя).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420—421.

⁵⁶ Там же. Стб. 420.

в роде Мономаховичей (как бы это ни противоречило теории смены родовых отношений политическими) и собственному полку, который он неоднократно посылает в помощь племяннику. По сути, последнее киевское правление Изяслава Мстиславича совместно с Вячеславом Владимировичем приобретает форму дуумвирата.

Вячеслав занимает особое место в кругу союзников Изяслава: в отличие от других членов коалиции, он называется *отцом* не только в диалогах (КЛ-Д), но и в авторской части летописи (КЛ-А), причем не всегда последовательно: термины *отец* и *стрий* перемежаются на протяжении всего периода взаимодействия князей. При этом обращение *отец* в КЛ-Д используется несколько загодя — до заключения договора между князьями, а именно сразу после упоминания Вячеславом Владимировичем о предложении Изяслава быть для него отцом: «Изаславъ ми то молвить: “ты ми буди въ ѿца мѣсто, поиди сяди же в Киевѣ”»⁵⁷. Далее Изяслав уже именуется им *сыном*: «аче ти ма оубити, снѡу...»⁵⁸. В тексте же КЛ-А термин *отец* появляется только после описания крестоцелования между князьями⁵⁹.

Летопись сообщает о двух клятвах между дядей и племянником: в первой князья обещают быть друг другу *отцом* и *сыном*⁶⁰, во второй Изяслав раскаивается в прежней вражде, а Вячеслав заверяет в воинском единстве⁶¹, после чего Изяслав называется им не только *сыном*, но и *братом*.

Первая клятва представляет большой интерес как единственное подробное описание практики конструирования вертикального родства при помощи публичного обряда, проведенного в церкви. Изяслав и Вячеслав целовали крест над гробами святых мучеников, их бояре также клялись в том, что они не будут способствовать распрям между князьями: «и тако цѣловаста хрѣтъ оу стою мѣнку на гробѣ на томъ Изаславу имѣти ѿцѣмъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти снѣмъ Изаслава, на томъ же и моужи ею цѣловаша хрѣтъ, ако межи има добра хотѣти и чѣсти ею стеречи а не сваживати ею»⁶².

Существенным моментом второго крестоцелования являются повторяющиеся по смыслу фразы, сказанные Вячеславом и Изяславом, служащие напоминанием о совершенном ими обряде. «А чо ми Бѣ ѿца моего Мстислава ѿталъ, а ты ми еси ѿцѣ», — начинает Изяслав Мстиславич, Вячеслав продолжает: «аже дѣши: “ты мои еси ѿцѣ”, а ты мои и снѣ, оу тебе ѿца нѣту, а оу мене снѣ нѣтуть, а ты же мои снѣ, ты же мои братъ»⁶³.

Завершающая фраза «ако не разлучитс има ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по ѡдному мѣсту быти»⁶⁴ наиболее близка предыдущим договорам Изяслава Мстиславича с союзниками в духе единения перед началом битвы. Как видно из дальнейшего текста, вместе предполагается не только сражаться, но и «рядить», то есть выполнять княжеские обязанности⁶⁵.

Столкнувшись с данной ситуацией, невольно задаешься вопросом о том, зачем дяде и племяннику — и без того достаточно близким родственникам⁶⁶ — нужно было проводить столь сложные многоступенчатые церемонии? Называя дядю *отцом*, Изяслав Мстиславич продолжал

---

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397.

⁵⁹ Например: «Изаславъ посла оу Вышегородъ къ ѿцю своему Вячеславу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417 и сл.).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399–400.

⁶¹ Там же. Стб. 417–418.

⁶² Там же. Стб. 399–400.

⁶³ Там же. Стб. 417–418.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «А есмь оуже старъ, а всех родовъ не могу оуже радити, но будевъ ѡба Киевѣ, аче на (над строкой приписано м (нам) — прим. издателя) будет которыи радъ или хрѣстьяныхъ или поганыхъ, а идевъ ѡба по мѣсту» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 419).

⁶⁶ Например, в летописи не говорится о каком-либо обряде между Изяславом Мстиславичем и его племянником по сестре Святославом Всеволодовичем, однако они используют в обращениях те же термины *отец* и *сын*.

тем самым расширение числа союзников, названных терминами родства, но за первым целованием креста, по-видимому, стоит нечто большее.

Что еще могло вызвать необходимость проведения подобного действия? Вероятно, возможность совместного правления была допустима лишь для родных отца и сына, на что указывает и дальнейшая переписка Вячеслава с братом Юрием, где аргумент «отцовства» Вячеслава является наиболее значимым: «Вачеславъ же речѣ: “оу тебе снѣвъ . з̄ ., а га ихъ ѿ тебе не ѿгону, а оу мене ѿдина два сн̄а Изаславъ и Ростиславъ, а инии моложьшии суть же”»⁶⁷. Очевидно, что полномочия сына киевского князя были необычайно широки, и деятельность Изяслава если и не совсем укладывалась в их рамки, то могла выглядеть более легитимной. Вопрос о том, кто будет править в Киеве после Изяслава Мстиславича, также играл здесь не последнюю роль. Как видно из событий, последовавших после смерти князя, существовала предварительная договоренность о том, что это должен быть Ростислав Мстиславич, его брат. По всей вероятности, для этого и было необходимо последовавшее от Вячеслава (а за тем и Изяслава) приглашение смоленского князя в Киев, о чем и идет речь в дальнейшей переписке: «...га сн̄у, тобѣ, сн̄у, мољваю: “како мнѣ снѣ, браѣ твои Изаславъ, тако ми ты”»⁶⁸. «Отцовство» Вячеслава по отношению к Ростиславу не проистекает само собой, только исходя из родства последнего по отношению к названному сыну Вячеслава, Изяславу. Ростислав приезжает в Киев⁶⁹, и с этого момента они упоминаются в летописи вместе, как три равноправных правителя, Ростислав же, действуя вместе с братом, с этого момента начинает называть Вячеслава Владимировича *отцом*: «и речѣ Изаславъ и Ростиславъ: “также же, ѿце, и оучини...”»⁷⁰.

После смерти Изяслава Мстиславича, Вячеслав призывает Ростислава в Киев и повторяет сказанное прежде, кроме того, князья договариваются о том, что Ростислав теперь «занимает место» Изяслава Мстиславича: «...а, сн̄у, даю тобѣ, также брат твои держалъ и радиль, тако же и тобѣ даю, а ты ма имѣи ѿцмь, и чѣсть на мнѣ держи, также и брат твои Изаславъ чѣсть на мнѣ держалъ и ѿцмь имѣлъ»⁷¹.

Ростислав поддерживает идею преемственности: «вели ради, гнѣ ѿче, имѣю та ѿцмь гномъ, также и братъ мои Изаславъ имѣлъ та, и въ твоеи воли бѣлъ»⁷². Наиболее интересным с точки зрения использования родовой лексики представляется принципиально новое для нашей системы обращение *господине отче*, а также выражение «въ твоеи воли бѣлъ», аналогичное словам договора с Давыдовичами. Хотя складывается впечатление, что выражение *господин* подчеркивает элемент зависимости Ростислава от киевского князя, в отличие от Изяслава, который никогда не употреблял этот термин по отношению к дяде, вряд ли данный смысловой оттенок действительно присутствовал — ведь именно так обращается, по-видимому, Андрей Юрьевич к своему родному отцу Юрию Долгорукому⁷³, а сам термин близок эпистолярной традиции. Выражение «быть в воле» также используется для определения отношений между родными отцом и сыном⁷⁴.

После провала всех попыток сохранения созданной Изяславом структуры Ростислав Мстиславич заключает договор с Юрием Владимировичем, используя при этом ту же форму

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 421–422.

⁶⁹ Описывая этот эпизод, летописец не сообщает никаких характерных фраз или свидетельств о проведении особого обряда (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 423).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 428.

⁷¹ Там же. Стб. 470–471.

⁷² Там же.

⁷³ «гдѣ ему: “ѿце гнѣ, помани слово писаное”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392).

⁷⁴ Так, например, говорится в «завещании» Ярослава Осмомысла о том, что он не дал своему старшему и законному наследнику Владимиру Галич: «а Володимѣрь не хожаше в волѣ его, и того дѣла не дашеть емоу Галича» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657).

взаимодействия, что и его брат с Вячеславом Владимировичем, — он называет Юрия *отцом*, а тот его *сыном*⁷⁵, термин *господин* в их диалоге не используется.

Глеб и Ростислав Юрьевичи

В продолжение конфликта в лагере Изяслава появляются и сыновья Юрия Владимировича. Когда речь идет об условно младшем поколении — сыновьях действующих лиц конфликта — Святославе Всеволодовиче, Глебе и Ростиславе Юрьевичах, Ярослав Владимировиче (сыне Владимирко Галицкого) акцент с братского единения «быти за один брат» смещается в сторону имитации выполнения функций родного сына при князе-отце «подле тебя ездити»⁷⁶.

Ростислав Юрьевич после ссоры со своим родным отцом приходит к Изяславу, через некоторое время последний оставляет его в Киеве, собираясь в поход на самого Юрия. Однако в результате доноса Ростислав оказался под подозрением, и между ним и Изяславом состоялся диалог⁷⁷, в котором Ростислав именуется *братом*, а Изяслав *братом* и *отцом*⁷⁸.

Использование термина *брат* здесь более чем естественно, так как князья были двоюродными братьями. Что касается второго определения, то, по всей видимости, перед нами единственный случай использования в среде Рюриковичей термина *отец* не по отношению к родному отцу при жизни последнего без какого-либо упоминания о нем. Возможно, Ростислав стремился тем самым показать, что он не связывает с Юрием Владимировичем свое политическое будущее и искренне перешел в число союзников Изяслава Мстиславича.

Другой сын Юрия, Глеб, оказавшись застигнутым врасплох войском Изяслава, также называет его *отцом*: «ако мнѣ Гюрги ѿць, тако мнѣ и ты ѿць, а газъ ти са кланая, ты са с моимъ ѿцемъ самъ вѣдаешъ, а мене поусти къ ѿцю»⁷⁹. Оба брата использовали термин *отец*, причем на месте присутствовавшей в диалогах Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича оговорки о том, что родной отец мертв, Глеб всячески подчеркивает его существование: «как Юрий мне отец, так и ты», в то время как Ростислав молчит об этом.

Бывшие противники Изяслава — Святослав Ольгович и галицкие князья

Одновременно со вторым крестоцелованием Давыдовичей Изяслав Мстиславич принуждает одного из своих главных противников, Святослава Ольговича, целовать крест, с аналогичным обещанием «всимъ намъ быти за вдинъ»⁸⁰. Сам Изяслав напоминает черниговскому князю о его обязательствах в схожих выражениях⁸¹. Святослав становился одним из его *братьев*⁸² и получает место в ряду союзников, названных терминами родства. На короткий период его нахождения в лагере Изяслава Мстиславича приходится и женитьба Романа Ростиславича на дочери Святослава Ольговича⁸³, черниговский князь демонстративно не появляется на снеме, но участвует в военных действиях союзников⁸⁴.

Еще один союзник Юрия Долгорукого Владимирко Галицкий, оказавшись в одиночестве, также вынужден капитулировать перед объединенным войском Изяслава Мстиславича и Гезы

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477. Стоит отметить, что по сравнению с эпохой Изяслава Мстиславича, когда термины родства появляются в диалогах последовательно и в целом соответствуют заключению договоров, с началом активных самостоятельных действий его брата Ростислава использование этих конструкций производит впечатление гораздо большей хаотичности.

⁷⁶ Мстислав, как первый сын и сподвижник своего отца, действительно часто сопровождает его, лишь на окончательном этапе киевского правления своего отца возглавляя походы. Однако это выражение встречается и для определения отношений между Изяславом и Давыдовичами.

⁷⁷ Чрезвычайно интересна и сама форма этого диалога, в котором Изяслав обращается к Ростиславу, передавая свои речи через послов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 372–373).

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 372–373.

⁷⁹ Там же. Стб. 395.

⁸⁰ Там же. Стб. 375.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 376.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Стб. 368.

⁸⁴ Там же. Стб. 371

II. Он называет волынского князя *братом* как до заключения перемирия и проведения обряда крестоцелования⁸⁵, так и после подтверждения его намерения не соблюдать данное при этом слово (однако до возвращения ему крестоцеловальных грамот послом Петром Бориславичем). Свою готовность к союзу он подтверждает формулой «любо свою голову сложю, любо себе мышью»⁸⁶. Вероятно, существенным для использования термина *брат* в данной ситуации является намерение заключить крестное целование, а при прекращении его употребления — акт возврата крестных грамот, который еще не произошел⁸⁷.

Использованные в договоре с Владимирко конструкции «его са не ѿлучити ни въ добръ ни въ лисъ, но всегда с нимъ быти» и «не ѿлучити, но на всихъ мѣстѣхъ с нимъ быти»⁸⁸ аналогичны фразе, произнесенной при заключении договора Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем, и являются по сути ее переделкой. Существенно, что данная формула фигурирует в двух договорах, один из которых заключается между *братьями*, а другой — между *отцом* и *сыном*, что служит свидетельством в пользу несущественности различий в обязанностях, налагаемых этими двумя формами конструирования родства. Называясь кровным родственником — *братом* ли, *отцом* ли, князь должен был быть с Изяславом Мстиславичем «по ѿдному мѣсту», «въ добръ» и «въ зль».

Но наибольший интерес с точки зрения родовой лексики представляют диалоги Изяслава Мстиславича и сына Владимирко — Ярослава Осмомысла. Неожиданно оказавшись в состоянии открытой конфронтации с киевским князем после смерти своего отца, Ярослав возвращает посла и передает ему не только заверения в лояльности по отношению к Изяславу Мстиславичу, но и просьбу принять его как *сына*, традиционно начинающуюся с упоминания о смерти отца настоящего: «аче Бъ ѿца моего пональ, а ты ми буди въ ѿца мѣсто»⁸⁹, дистанцирование своих отношений с могущественным князем от политики противостояния собственного отца, сформулированное близко к словам Глеба Юрьевича: «а ты са с моимъ ѿцмъ самъ въдалъ, что межи има было», и вариант просьбы «возле тебя ездить», схожий со словами Ростислава Юрьевича, а также со словами, ретроспективно относящимися к договору между Изяславом и Давыдовичами: «прими ма, гако сна своего Мъстислава, такоже и мене: ать ездить Мъстиславъ подлъ твои стремень по ѿдиной сторонѣ тебе, а га по другой сторонѣ подлъ твои стремень ѿжду всими своими полкъы»⁹⁰.

Итак, перед нами схема, демонстрирующая небывалое скопление терминов родства вокруг Изяслава Мстиславича во время его конфликта с дядей Юрием Долгоруким. Пытаясь построить крепкий союз, который можно было бы использовать и в дальнейшем, но имея при этом не слишком благоприятные политические условия, Изяслав Мстиславич опирался, в первую очередь, на своих родных сыновей и братьев⁹¹. Увеличивая количество союзников, он выстраивал с ними отношения по привычной, уже опробованной схеме, называя их *братьями*, *сыновьями* и *отцами*. Ими стали: *братья* Владимир и Изяслав Давыдовичи, *брат и зять, старший как отец* Всеволод Ольгович, *сын* Святослав Всеволодович, *сын и брат* Геза II, *братья* Мешко III, Болеслав IV, Генрих Сандомирский, Владислав II Чешский, *брат и сын* Ростислав Юрьевич,

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 451.

⁸⁶ Там же. Стб. 462.

⁸⁷ О расторжении крестоцелования и возможном прекращении использования термина *брат* в связи с этим см., например, угрозу Рюрика Ростиславича Святославу Всеволодовичу: «дажь стоиши в томъ раду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешъ давныа тажа, которыи былъ при Ростиславѣ, то стоуишь еси раду» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 670).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452–453.

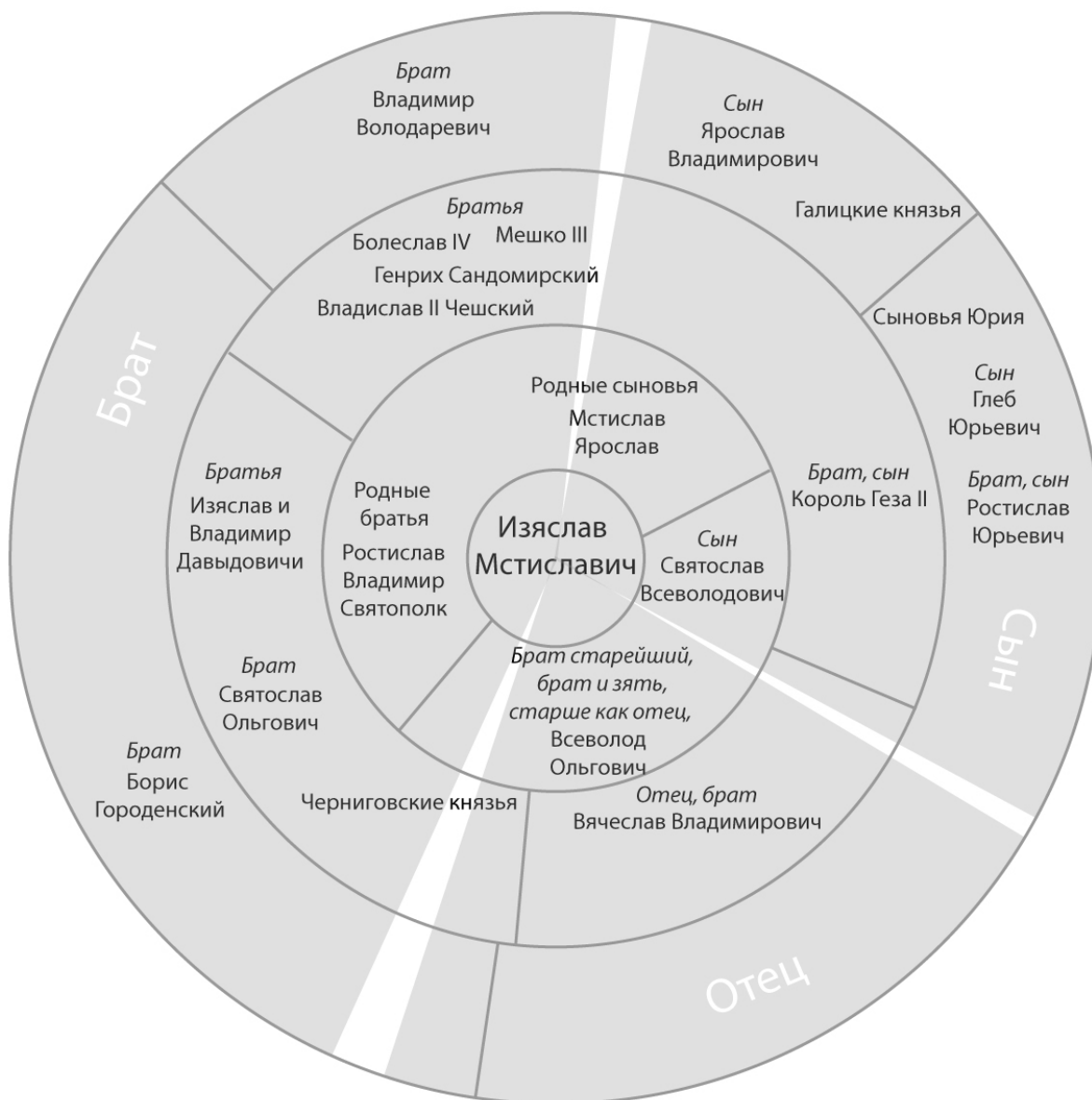
⁸⁹ Там же. Стб. 464.

⁹⁰ Там же. Стб. 464–465.

⁹¹ О крепости этих отношений свидетельствует и тот факт, что никто из них не оказался во вражеском лагере, в отличие от детей и братьев противника Изяслава, Юрия Владимировича.

сын Глеб Юрьевич, отец и брат Вячеслав Владимирович, а также брат Борис Городенский, подробностей о взаимоотношениях которого с Изяславом летопись не сообщает.

В результате успешных действий против коалиции Юрия Владимировича братьями становятся также прежние противники Изяслава — Святослав Ольгович и Владимирко Галицкий, а сын последнего, Ярослав, — сыном Изяслава Мстиславича⁹².

Началом для именованя *братом* служило заключение военного договора, сопровождавшегося целованием креста и упоминанием полков, щита, головы и обиды. Русские князья и иноземные правители могли называть друг друга терминами кровного родства, будучи свойственниками⁹³, причем при выборе обращений возможна асимметрия *брат — отец*. При построении вертикальной модели отношений и именовании князя *отцом* традиционно упоминание о том, что родной отец уже мертв. Термин *брат* используется с наибольшей частотой

⁹² Схожим образом использовал в своей головокружительной карьере практики конструирования родства византийский император Василий I Македонянин [Rapp, p. 304–312].

⁹³ Однако это не является обязательным условием.

по отношению к колеблющимся союзникам, примыкающим то к одному, то к другому лагерю. К основным формулировкам, сопровождающим именование терминами родства, относятся:

1. Возле тебя ездить (*братья* Изяслав и Владимир Давыдовичи, Ростислав Юрьевич, именующий Изяслава *отцом* и *братом*, сын Ярослав Владимирович);
2. Быть в воле (*брат* и *сын* Геза II — *отцу* Изяславу, *сын* Ростислав Мстиславич — *отцу* Вячеславу Владимировичу);
3. Быть за один, быть за один брат (*брат* Святослав Ольгович, *братья* Изяслав и Владимир Давыдовичи);
4. С тобой быть (*брат* Владимирко Галицкий);
5. Кто будет зол, быть с тобой (*братья* Изяслав и Владимир Давыдовичи);
6. Откупить главою (Изяслав — *брату* и *сыну* Гезе II);
7. Быть по одному месту, быть во всех местах (*отец* Вячеслав Владимирович, *брат* Владимирко Галицкий);
8. Не отлучаться ни в добре, ни в зле (*отец* Вячеслав Владимирович, *брат* Владимирко Галицкий);
9. Быть за обиду; где твоя обида, то не твоя, но моя, а где моя — там твоя; где твоя обида — нам быть с тобой; где твоя обида — вот тебе полки (*брат* и *сын* Геза II, *братья* Изяслав и Владимир Давыдовичи, Геза II — родному брату Изяслава, Ростиславу Мстиславичу);
10. Твой и мой щит не будут розно (*брат* и *сын* Геза II).

Схожесть формулировок, использующихся в КЛ-Д при ретроспективном обращении к заключенным договорам, позволяет предположить, что они составляли часть текста, произносимого при крестоцеловании⁹⁴, после которого князья начинали обращаться друг к другу *брат* или *отец*, *сын*, причем термин *брат* мог использоваться и до произнесения клятвы, свидетельствуя о намерении заключить соответствующий договор⁹⁵. Существенно, что выбор фразы, произносимой при крестоцеловании или при ретроспективном упоминании о нем не различается в зависимости от того, называется ли новый союзник *братом*, *отцом* или *сыном*: «возле тебя ездить» может сказать и *брат* и *сын*, «не разлучаться ни добре ни в зле» — и *отец* и *брат*. Таким образом, системообразующей силой при построении данной модели становится авторитет Изяслава Мстиславича, притягивающего к себе союзников, в то время как выбор обращения к каждому из них: *отец*, *брат* или *сын* — не столь существенен и мог зависеть от обстоятельств.

Об этом свидетельствуют и слова благодарности Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича к Гезе II: с характерным союзом *или* — неважно, сын ли отцу или брат брату оказал бы такую помощь, важно подчеркнуть те связи, которые обязуют ближайших родственников поддерживать друг друга в военном конфликте — «быть в обиде», «откупить головой». Данное заключение в корне отличается от сложившегося в историографии, где подавляющее большинство попыток объяснить использование терминов родства связываются с родовым или политическим старшинством князя, именующегося *отцом*, здесь же наиболее авторитетная личность — Изяслав Мстиславич — может именоваться *сыном* и даже дает обещание «откупить» помощь венгерского короля «своей головой».

⁹⁴ Это не обязательно предполагает попадание самих текстов данных договоров в летопись. Однако ряд косвенных свидетельств может служить подтверждением тому, что они могли быть услышаны от информанта, передававшего этот текст устно, например, определенная схожесть с формулами и речью берестяных грамот [Зализняк, 2004, с. 250; Зализняк, 2008, с. 24; Гиппиус, с. 289–290], прямые указания в летописи на то, что информант слышал что-либо от князя («пересказ» событий Петром Бориславичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 464–465)), упоминание об услышанной пословице (Там же. Стб. 442; Толочко, с. 158–160). Летопись повествует о ситуациях, когда князья передавали речи устно через доверенное лицо, даже находясь поблизости друг от друга (например, рассмотренные выше переговоры Изяслава и Ростислава Юрьевича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 372), предсмертные указания Владимира Васильковича через епископа Мстиславу Даниловичу (Там же. Стб. 902).

⁹⁵ Аналогичным образом термин *сват* мог использоваться среди родственников молодоженов и до непосредственной свадьбы [Литвина, Успенский, 2013, с. 308–325].

Литература

- Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век // *Paleoslavica*. 2005. Vol. XIII, Is. I. P. 21–80.
- Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397.
- Гиппиус А. А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сборник статей*. М., 2009. С. 279–298.
- Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории). М., 1898.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Кречмер А. Г. Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. // *Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая*. М., 2009. С. 36–56.
- Лавренченко М. Л. О возможности употребления терминов родства по отношению к родственникам жены в древнерусском обществе // *История: электронный научно-образовательный журнал*. 2012. Вып. 5 (13): *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [электронный ресурс]*.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в XV–XVI вв. *Династическая история сквозь призму антропонимики*. М., 2006.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // *ДРВМ*. 2012. № 3 (49). С. 45–68.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися»/«сватитися» и «сват(ь)ство». *Историко-филологический этюд // Die Welt der Slaven*. 2013. Т. LVIII. S. 308–325.
- Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // *Из истории русской культуры. Том 1 (Древняя Русь). Статьи по истории и типологии русской культуры*. М., 2000. С. 500–551.
- Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 11–76
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. *Лекции по русской истории*. Киевская Русь. М., 1993.
- Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
- Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. *Древняя Русь. Очерки политического и социального строя*. М., 2008. С. 148–269.
- Толчок А. П. Поговорка Изяслава Мстиславича // *Ruthenica*. Киев, 2010. № 9. С. 158–160
- Толстая С. М. Аксиология родства в свадебном фольклоре (русско-сербские сопоставления) // *Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая*. М., 2009. С. 148–158
- Факкани Р. *Graeco-Novgorodensia I (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*. М., 1999. С. 329–337
- Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
- Юрасовский А. В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования*. М., 1991. С. 189–195.
- Balzer O. *Genealogia Piastyw*. Krakow, 1895.
- Baumgarten, N. de. *Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle (Orientalia Christiana. Vol. IX. — 1. Num. 35; Maio, 1927)*. Roma, 1927.
- Rapp C. *Brotherhood in Byzantium // Traditio*. 1997. Vol. 52. P. 285–326.